

Янина Логвин

Гордая птичка Воробышек

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Λ 76

Логвин, Янина.

Λ 76 Гордая птичка Воробышек / Янина Логвин. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 512 с.

ISBN 978-5-17-100375-3.

Новый город, новый университет и новые друзья. Что приготовила судьба для неприметной провинциальной девчонки, в репетиторах у которой вдруг окажется самый популярный парень университета? Возможно, серьезные неприятности с последним, а, возможно, любовь?

Что бы ни случилось в жизни Жени Воробышек в прошлом, с переездом в большой город она надеется начать жизнь заново. И пусть осколки разбитых надежд больно ранят, Женя обязательно справится с трудностями, даже если для этого бывшей танцовщице придется перевестись на сложный технический факультет, а чтобы не вылететь из университета — обратиться за помощью к лучшему студенту четвертого курса. Вот только колючий взгляд Ильи Люкова холоден и неприветлив, не похоже, что парень готов протянуть руку помощи отстающей студентке. Главное, наткнувшись на этот взгляд, не пожалеть о своем решении.

А прошлое, меж тем, надвигается на Женьку подобно снежной лавине, грозящей вот-вот снести ее с ног...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100375-3.

© Логвин Янина, текст
© ООО «Издательство АСТ»

*Роман посвящается моим дорогим читателям!
Самым лучшим и самым верным!
Эта история для Вас!*

— Евгения Воробей, если не ошибаюсь? — глаза немолодой, слегка полноватой женщины отрываются от цветного чертежа неизвестного мне двигателя, пришипленного магнитом к доске, и вспыхивают интересом, когда я, набегавшись по этажам второго учебного корпуса в поисках нужного кабинета, наконец, отворяю дверь и замираю на пороге широкой солнечной аудитории. С удивлением обводя взглядом неожиданно многолюдное помещение.

— Вы та самая новенькая, что в нынешнем году перевелась к нам из Н-ского университета в группу ТМ-П-1-1? — спрашивает она приятным низким голосом, и в ожидании ответа чуть склоняет к плечу каштановую в перманентных завитушках голову. — Специальность «Теоретическая механика и приборостроение», третий курс?

— Да, — киваю я, — та самая.

Я делаю неуверенный шаг вперед, собираясь с духом:

— Только я не Воробей, а Воробышек. Евгения Воробышек. И с этого года буду обучаться на вашем факультете.

Я говорю, обвожу скользким взглядом аудиторию и закусываю губу в ожидании неизменных смешков, сопровождающих мою «птичью» фамилию всю сознательную жизнь.

Ну да, смешная она у меня, что тут скажешь. Уж какая досталась от отца-моряка — старшего мичмана Александра Воробышка. Знаю, звучит так грозно, что уржаться можно. Тем более что папка-то мой был ростом под метр девяносто, голубоглазый красавец-брюнет. Размах гордых крыльев ого-го! — не в пример фамилии! А я вся в мать: сероглазая рыжевато-блондинка, метр шестьдесят два с закрученным на макушке хвостом. Воробышек и есть!

Аудитория странно молчит и взирает на меня с неммым интересом, и лишь когда я расслабляю и выдыхаю, откуда-то сверху долетает: «Эй, смотрите-ка, а птичка-то симпатичная! И как ее в наше воронье гнездо занесло? Воробышек, иди к нам! Залетная, привет!»

Я отворачиваюсь, поправляю на носу очки и смотрю на преподавателя. Держу спину прямо, подняв подбородок.

— Что случилось, студентка Воробышек? — спрашивает женщина строго, но без раздражения. Скорее пытливо. — Если не ошибаюсь, от общежития до учебного корпуса за последние тридцать лет расстояние не изменилось, по-прежнему две автобусные остановки. Пожалуйста, назовите причину вашего десятиминутного опоздания...

«Общезитие. Автобус. Остановка. Я спрыгиваю с подножки, с трудом извлекаю следом затертую между чужими бедрами сумку и бегу по парковой аллейке в сторону университета. Красный «Вольво» влетает на парковку перед учебным корпусом так внезапно, что я только в последний момент замечаю его. Автомобиль визжит тормозами, клюет носом, чихает и останавливается в том месте, где я стояла всего мгновение назад. Окно со стороны водителя ползет вниз, и я замечаю за тонированным стеклом голову бритого наголо парня с татуировкой над виском и яркую черноволосую девицу в солнцезащитных очках. Она змеей перегибается через водителя, откидывает на лоб очки и глядит на меня так зло, словно видит перед собой объект пожизненной ненависти.

— Эй! Смотри куда прешь, коза очкастая! Жить надоело? — орет высоким голосом. — Я тебе говорю, немощь ходячая! Если надоело, вали в свою драную общагу и соверши выброс тела из окна многоэтажки! Нехер под тачку оглобли кривые совать! Поняла?

Она тычет мне «Фак», кривит полные губы и вдруг бросает кому-то поверх моей головы:

— Так ее! Ну же, Люк! Дави! Проведи этой тупой девочке экзекуцию с задней позиции. Лиши ее, наконец, девственности, не то она сегодня напросится, клянусь!

Позади раздается шелест шин, затихающий рокот, и черный с огненными разводами мотоцикл едва не бодает меня в ягодицу. Точнее, это я так стремительно отскакиваю от таранящего меня алого автомобиля, что едва не налетаю на паркующуюся на стоянку спортивную «Хонду».

Я вскрикиваю от неожиданности и отпрыгиваю в сторону. Прижимаюсь спиной к двери какой-то серебристой иномарки, нечаянным прикосновением активировав сигнализацию. Резкий высокий звук взрезает слух, я вновь кидаюсь вперед, сажусь на корточки между мотоциклом и «Вольво» и начинаю быстро собирать в сумку рассыпавшиеся веером по асфальту книги с тетрадами. Тянусь пальцами за укатившейся ручкой и удивляюсь собственной невезучести: надо же, первый день в новом универе, а я уже, кажется, влипла!

Я сую в сумку учебник, еще один, когда краем глаза замечаю, как дверь красного авто распаивается и на землю ступает нога в белом кроссовке с известным боковым логотипом. Невысокий, крепкий качок вылезает из машины,

опирается ладонью о широкий капот навороченной тачки и лениво щелкает в воздухе дорогой зажигалкой. Он так наминает мне того, от кого я бегу, что еще ниже опускаю голову, стараясь на него не смотреть.

— Ба-а! Кого я вижу! — тем временем говорит бритоголовый и затягивается сигаретой. Выпускает в сторону мотоциклиста нестройную струйку дыма. — Сам Люков шикарнейшей персоной. И ста лет не прошло, как вернулся в родную альма-матер. Ходили слухи, что ты уехал за границу и оставил универ. Какие-то проблемы, парень?

Подножка «Хонды» отходит в сторону, и мотоцикл мягко оседает назад. Я чуть поднимаю голову и вижу как парень в черной бандане и темной футболке, высоко открывающей взгляду сильные загорелые руки, звякает ключами, закидывает рюкзак на плечо и не спеша шагает к «Вольво». Я так и ахаю от возмущения, когда его мощный ботинок припечатывает к асфальту мой вывернутый наизнанку конспект по термодинамике. Вот же гад!

— Самсонов, не парься, — слышу я над собой спокойный, с легкой хрипотцой голос. — Мои проблемы — не твои, — отвечает мотоциклист, и мне кажется или я слышу, как он влетает в голос холодное предупреждение. — На твоём месте я бы лучше озаботился кое-чем другим.

— Например? — настораживается качок.

— Например, горячим язычком своей болтливой девочки.

— А что с ним не так? — удивляется тот, который «Самсонов», и я чувствую затылком момент, когда качнулись невидимые жернова и хочу быстрее убраться отсюда. — Работает исправно. Правда, Лёля? — качок оборачивается к лобовому стеклу и подмигивает поджавшей идеальные губки брюнетке. — На все сто! Не завидуй, Люков.

— Он у нее работает вхолостую, и мне это не нравится, — просто сообщает парень в бандане. — Чаше затыкай ей рот чем-нибудь полезным, Самсон, иначе... — он медленно наклоняется к девушке и растягивает рот в недоброй ухмылке. — Иначе, детка, найдется тот, кто сделает это за него. И клянусь, тебе это не понравится.

Качок напрягается и шагает вперед. Сутулит плечи, хмурит брови, но я замечаю, как в его руке под взглядом мотоциклиста предательски вздрагивает сигарета.

— Кто? Может быть, ты? — шипит он, замирая на месте. — Советую не рисковать, Люков.

Двери «Вольво» громко хлопают, выпуская наружу брюнетку. Девушка неуклюже выползает из авто и, переминаясь на высоких каблуках, пищит:

— Эй, ребята, вы чего? Я же пошутила. Самсон, Люк! — девица по очереди оборачивается к парням, виновато хлопая искусственными ресницами. — Просто пошутила! Таких бестолковых дур, как эта провинциальная пересыпь, надо учить...

«Сама ты дура! И бестолковая, и очкастая!». Я неожиданно злюсь, быстро сгребаю с земли сумку и бочком, бочком, пятясь за серебристую повизгивающую иномарку, пробираюсь к учебному корпусу, отчаянно молясь про себя, чтобы эта тройца не запомнила меня в лицо. Родной город с моей историей остался позади, и мне совсем не хочется на новом месте раньше времени обзаводиться недругами. Тем более, когда еще и друзей-то толком нажитых нет. Конечно, никто не говорил, что в огромном промышленном центре будет легче, чем в тихом провинциальном городишке, но надеяться на лучшее так хочется.

Я бегу вверх по пролету, минуя коридор, перепрыгиваю с одной лестницы на другую, еще коридор...

— Девушка, нужная вам аудитория находится в восточном крыле здания, третий этаж, от лестницы второй поворот налево.

— Спасибо!

— Это четвертый этаж. Спуститесь этажом ниже. Да не здесь! Вон, в конце тупика лестница, а там повернете направо и по воздушному коридору перейдете в крыло...

— Спасибо!

— Это аудитория № 320-1, а вам нужна триста двадцать седьмая. Вернитесь в центральный коридор и сверните в следующий рукав. Третья дверь по левую сторону.

— Спасибо!»...

— ... Дезориентация! — честно отвечаю своему грозному куратору и добавляю: — Извините, София Витальевна. Я немного заблудилась в незнакомом здании в поисках вашей аудитории и свернула не в то крыло. Обещаю больше не опаздывать. Разрешите пройти и занять место?

Женщина вздыхает, еще на секунду задерживает на мне внимательный взгляд, затем милостиво машет рукой в сторону длинных парт, занятых студентами.

— Садитесь, Евгения, — говорит устало, отворачиваясь к доске, — и впредь уважайте чужое время. Расписание лент

известно заранее. Вы вполне могли заблаговременно ознакомиться с расположением учебных аудиторий вашей группы. Да садитесь же! — бросает за плечо.

— Спасибо! — звонко отвечаю, прижимаю к груди сумку и бегу вверх по наклонному возвышению, приветливо улыбаясь своим новым сокурсникам.

Ф-фух, пронесло!

— Ныряй ко мне, птичка! — неожиданно машет рукой симпатичный русоволосый паренек, едва я равняюсь с четвертым рядом парт, и отползает по скамье от края, освобождая рядом с собой место. — Меня Николкой Питерским кличут, — представляется шепотом, стягивая на свою половину учебники. Улыбается кривовато. — А тебя, значит, Женькой Воробей?

— Женькой Саблезуб! — рычу в ответ, юркаю за парту и выставляю в сторону нового знакомого розовые коготки. — Или Забодай-николку-насмерть! Не дразнись, я кусаюсь! — строго предупреждаю паренька, неласково пихая его в бок. — А ты и правда, что ли, Питерский? — шепчу, раскрывая сумку в поисках учебника. — Или шутишь? Как-то жаргонно твой профиль звучит.

Улыбка нового знакомого из кривоватой расплзается в широкую, а карие с зеленцой глаза лукаво щурятся:

— Щучу, амиго, — признается он. — Для близких друзей — Николай Невский, сын папы-атташе при посольстве в Испании. Приятно познакомиться!

Он тычет мне под парту руку, и я с готовностью жму ее.

— Вау! Поздравляю! И что это значит? — тихо вскрикиваю, прислушиваясь к словам куратора: «...неравновесная термодинамика. Реальные технические системы, с которыми имеют дело инженеры, являются неравновесными. А процессы, происходящие в них, — необратимыми...»

— Что? Да, в общем-то, ничего, — пожимает плечом симпатичный студент Невский. — Это значит, что ты мне нравишься и с этой минуты можешь называть меня Колькой. По рукам?

— По рукам! Ты мне тоже нравишься, Колька, — я возвращаю парню широкую улыбку, поправляю на переносице очки, задерживая на нем взгляд, стараясь повнимательней рассмотреть.

Парень тоже долго смотрит на меня. Затем кончики его губ ирриво поднимаются, брови взлетают вверх, исполняя соблазнительный вальс.

— Слу-ушай, птичка! Две минуты знакомства, а ты что, уже запала на меня? — выдает Невский предположение, и мне тут же хочется треснуть его по макушке раскрытым учебником. Но он милый, черт возьми! И он мне действительно нравится.

— Дурак! Птички не клюют на крякозяблов! — уверенно заверяю, гордо тыча в твердую грудь пальцем. — А ты типичный крякозябл, Невский, на все сто!

Я бросаю на соседа еще один оценивающий взгляд и решаюсь добавить:

— Краснокнижный. Единственный и неповторимый.

Глаза парня округляются, а указательный палец в картинном жесте приставляется к виску. Эта игра забавляет нас, и он решает продолжить, изобразив на лице чистое удивление:

— Что-о, я крякозябл?! Господа, пустите пулю мне в лоб, ядохну!

— Бесполезно, Невский. Гринпис тебя воскресит и в качестве зомби будет пугать четырнадцатилетних нимфеток!

Я ничего не могу с собой поделаться и тихо смеюсь, склонив к соседу голову. Лоб Кольки тут же упирается в мой висок, и я слышу от него в ухо крамольно-пошрое и страшно-веселое:

— Чур тебя, Воробышек! Только не зомби! У меня же на нимфеток не встанет, и от моего позора содрогнется вселенная. Давай лучше вомпЁр, там хоть, в случае чего, клыки показать можно.

Мы вместе прыскаем от смеха, и мне вдруг становится ужасно стыдно, когда я ловлю на себе внимательный взгляд преподавателя.

— ... представляет собой первое начало термодинамики... Студент Невский, я собираюсь перейти к уравнению баланса энтропии и узнать, справедливы ли для функции энтропии элементарного объема обычные термодинамические равенства? Вы позволите мне сделать это? Или предложите оставить эту научную муть и вместе со всей аудиторией послушать ваш рассказ на тему: «Как я пересдавал экзамен»?.. Кстати, как продвигается ваше плодотворное сочинение? Рекомендую приступить к нему немедленно. И я, мои дорогие, ко всем обращаюсь! Хороший конспект — залог успешно усвоенного материала, а соответственно высокой оценки в зачетной книжке. Пожалуйста, — а это уже мне, — потрудитесь не зевать на профильном предмете.

Я опускаю глаза и замираю, уткнувшись в пустой стол. Молча чертыхаюсь, вспомнив забытую на дороге тетрадь с важными темами, достаю из сумки блокнот и начинаю старательно строчить текст вслед за словами куратора. Невский пыхтит рядом, усердно работая ручкой, но лишь голос куратора умоляет, тут же шепчет:

— Учеба, Воробышек, для кракозяблов прежде всего, даже для дохлых! — и выдает неожиданно, когда глаза преподавателя вновь спотыкаются о нас. — Продолжайте, София Витальевна, мы записываем!

Когда звенит долгожданный звонок, и студенты начинают дружное шевеление в сторону выхода из аудитории, на парту с глухим хлопком падает потерянный мной на парковке конспект. Я вздрагиваю и удивленно вскидываю голову навстречу бросившей его смуглой руке, но замечаю лишь ускользающий взгляд темных колючих глаз и удаляющуюся к выходу, обтянутую черной футболкой отлично сложенную спину.

Запомнил. Вот черт!

— Жуть. Ну и рожа! Я понимаю, Женька, если бы ты фото Димы Колдуна над койкой повесила, ну или Орlando Блума — он тоже вполне себе симпатичный чел, но этого очкастого троглодита?! Брррр! Нет, Воробышек, ты извращенка, клянусь! Тебе же с ним спать не один год мордахой к фэйсу, надеешься, сердечко выдержит?

— Выдержит, — отвечаю я, вгоняя в журнальный портрет Стивена Кинга последнюю кнопку, и признаюсь, оглаживая рукой яркий глянец. — Я этого очкастого троглодита, как ты выразилась, Крюкова, между прочим, очень люблю. Большой и толстой любовью.

Я оглядываюсь на вошедшую в комнату темноволосую девушку и сползаю с кровати. Говорю с упреком, наблюдая, как моя соседка по комнате в общежитии отваливается от вешалки у входной двери, устало сбрасывает с ног высокие каблуки и шлепает с полными сумками в руках и громким «Уфф!» к столу.

— Ты чего так поздно, Тань? Или скорее рано? Записки не оставила, телефон отключила, мне твой отец за последнюю ночь раз десять звонил. Ты не забыла, что такое совесть, Крюкова?

Танька невозмутимо вскидывает бровь и задумчиво ведет плечом, водружая сумки на стол рядом с моим ноутом. Лениво подавляет непрошенный зевок.

— Понятия не имею. Какой-нибудь злобный зверек из семейства душегрызов?..

Она плюхается на стул, потрошит рукой сумку и, закинув ноги на мою койку, извлекает на свет кольцо сухой колбасы. Разломив на две половины, протягивает одну мне, вгрызаясь в оставшуюся в руке ароматную копченость довольным ртом.

— Жашени хавчик, Шень! Правда, Фофка у меня молоток?

— Та-ань! — я стаскиваю с волос мокрое полотенце, запуская им в наглое лицо. Ухватив соседку за пятки, сбрасываю ее ноги с койки и решительно отбираю подарок. Вернув его в сумку, гляжу на девушку с сердитым укором.

Танька фыркает и отплевывается. Практично оттирает о полотенце руки и сморкает нос. Говорит со вздохом, обиженно отбрасывая махровый кусок ткани в сторону.

— Серебрянский в деревню к предкам возил знакомить. Пока стол собрали, хозяйство посмотрели, тетку вниманием уважили... В общем, задержались чуть дольше запланированного. Да еще на обратном пути у Черехино в машине застряли, представляешь? Так дорогу от дождя развезло, что думали без эмчезсников до утра и не выберемся. Кошмар!

Я смотрю в Танькины честные глаза, на яркий засос на шее, в виде багрового месяца, под самым подбородком, на заметно припухшие от крепких поцелуев губы и сочувственно жму плечом.

— У Черехино? Там где виллы богатеньких? Ясно... — вспоминаю новую бетонную трассу, по которой возвращаюсь в свой родной город мимо дорогого поселка. — Ну, ты бы хоть телефон не отключала, Крюкова, что ли, пока вертолетчики в эпицентр катаклизма слетались. Уж если не совесть, то хоть уважение к своему отцу имей. Я же не Шахерезада, ему сказки вторую ночь подряд рассказывать.

Глазки девушки виновато прячутся за припавшими веками, но вдруг выстреливают из-под ресниц безудержным весельем.

— Умная, да? — хихикает Танька, разворачивается на стуле и утыкается носом в мой раскрытый ноут. Предлагает, легко отмахнувшись, скользя цепким взглядом по строчкам ворда, устраивая остренький подбородок на кулачки. — Ну и рассказала бы что-нибудь из своего, Воробышек! Подумаешь! Какой-нибудь душераздирающий квест-хоррор! Ты же у нас по ужастикам мастерица. Выдала бы моему папашке что-нибудь кровожадное и ядовитое на ночь глядя. Из серии «Знойные девицы исчезают в полночь»!

— Не смешно, Крюкова, — сердито замечаю я. — Думаю, сегодня твой отец мой сомнительный талант вряд ли бы оценил по достоинству. Тем более ужастик с главной героиней в лице его дочери.

— Думаешь? — бесхитростно удивляется девушка и тихо раздражается. — Задолбал своей опекой! Где была? Кому дала? С кем спала? Как будто мне не двадцать, а пятнадцать, честное слово!.. Тэ-экс, что тут у нас... — бесстыдно тарачит в ноут любопытные глазки. — О-о! — загадочно выдыхает и вновь тянется за колбасой. — «Послушник тьмы», пьес-са! Действующие лица...

— Тань, — я решительно сворачиваю текст и сгоняю девушку со своего насиженного места. — Давай потом, а? — предлагаю, включая чайник. Пододвигаю к краю стола завернутую в два полотенца, приготовленную на тихой общежитской кухне прошлой ночью тушеную картошку с грибами.

— Мне через два часа контрольную по «деталям машин» сдавать. Я и так дуб дубом, а тут еще из-за тебя вторую ночь без сна...

— Воробышек, я тебя люблю! — урчит довольной кошкой Крюкова и смиренно уползает в свой занавешенный яркими киношными постерами уголок. Через минуту гремит кастрюлькой и мило щебечет с родителем. А я сажусь за стол, открываю конспект, запускаю руки в волосы и ерошу мокрые пряди. И повторяю, повторяю в который раз такое чуждое и непонятное:

«...формула Журавского, в рамках принятых допущений, позволяет с достаточной степенью точности определить значение тангенциального напряжения в точках сечения. Для которых отношение линейных размеров удовлетворяет неравенство...»

ПОСЛУШНИК ТЬМЫ

(Пьеса)

(Отрывок)

Действующие лица:

Трактирщик

Прохожий, он же Гость

Бродяга

Филиппа, служанка

Солнечный полдень. Трактир у дороги. На широкой крытой гонтом веранде, увитой зелеными лозами винограда, за небольшим столом, уставленным нехитрой снедью, сидят двое мужчин и тихо беседуют. Один из них — крупный седой мужчина с рыхлыми покатыми плечами, другой — молодой человек лет двадцати пяти, в поношенном дорожном платье и прибитой пылью обуви. На столе овощи, мясо, хлеб; чуть в стороне — кувшин темного вина. Время от времени пожилой хозяин трактира властной рукой щедро наполняет из кувшина бокал гостя.

ТРАКТИРЩИК (*задумчиво; глядя на уходящую в степь дорогу*): Не весел нынче день, безлюден тракт. Куда ни кинешь взгляд: всё тишь да гладь. Всё зноем сломлено, а без заблудших душ Хосе копейки звонкой не видать. Э-эх, гость, один сегодня у меня ты на постой, ну, да и чёрт... (*Спохватившись, трактирщик в сердцах сплёвывает под ноги и осеняет себя крестным знамением.*) Прости, да и Господь с тобой! (*громко*) Эй, Филиппа!

На ступенях крыльца появляется служанка. В её руках корзина, доверху наполненная тёмными гроздьями винограда.

ТРАКТИРЩИК: Филиппа?

СЛУЖАНКА: Да, синьор?

ТРАКТИРЩИК: Филиппа, погляди с порога, а не пылит ли там дорога? Не едут ли купцы Омара в порт? В пору

б запастись товаром. В порту, намердни я слышал, у Чёрных скал корабль пристал. Да всё сукно из Арагона и из Севильи санфаянс. Барыш упустим, ровен час!

Гонец портовый отбыл? Нет? Хотелось бы узнать ответ. Ты, может, что сама слыхала?

СЛУЖАНКА (*пожимая плечом, лениво оглядывая дорогу*): Не больше вашего узнала. Гонца того уж след исчез, оповестить спешит окрест. Прибьется люд, мой господин, на округ весь — лишь наш трактир. Попомните мои слова, коль окажусь я не права: не сядет солнце за порог — как будет полон наш чертог. Не быть мне честною вдовою, коль обойдет вас стороною купцов торговый караван. Вот и наполним ваш карман. А нынче дел полно в саду. Я с позволения уйду? Сеньор Хосе?

ТРАКТИРЩИК (*отмахиваясь*): Ступай себе! Иди, Филиппа! Стол полон и вино налито. А гостю я скучать не дам, придется — услугу и сам. (*Бормоча под нос.*) Чай, не навозный жук какой, а дел своих мастеровой. (*Громко.*) Ступай-ступай, моя душа! Да торопись там не спеша! Мне труд до пота ни к чему. Хороших слуг я берегу!

ФИЛИППА (*кивает трактирщику и обращается к Гостю*): Готова комната, синьор. Хозяин мой на слово скор. Удобно ль будет отобедать вам здесь, где вид на общий двор?

ТРАКТИРЩИК (*удивленно*): На общий двор, так что ж плохого?..

ГОСТЬ (*обводя взлядом горизонт*): Здесь вид отменный, право слово! Давно не видывал такого, чтобы и море, и простор... И лес, и степь, и гряда гор. Я с благодарностью, синьора, иной отвергну приговор.

Филиппа, поклонившись, спускается с крыльца и исчезает за плетеной оградой.

Проводив служанку взлядом, трактирщик поднимает кувшин с вином и вновь до краев наполняет бокал гостя.

ГОСТЬ: Неловко мне... Ты щедрою рукою мне зелье дивное, хозяин, подливаешь, что меда слаще кажется в стократ и поцелуя девушки... Не знаешь? Не расплачусь с тобой я...

ТРАКТИРЩИК (*лениво отмахиваясь*): Полно, брат. Пей вволю! Рад узнать ты будешь, что оно не убывает.

ГОСТЬ: (*удивленно; утирая губы от вина*). Возможно ли такое? Так бывает?!.. Бывает так, что полнится вином сосуд людской, возделанный руками? Руками грешника бесправного, не Бога? Кому дорога в рай — в чистилище дорога?

ТРАКТИРЩИК (*нерадостно*): Случается.

ГОСТЬ (*с интересом*): Что чаша полнится вином сама?.. Без твоего участия?

ТРАКТИРЩИК (*грустно*): О, да...

ГОСТЬ: Тому причина есть, иль вольный случай?

ТРАКТИРЩИК (*пожимая плечами, раздумывая*): То ведомо не мне, сынок, — Творцу. Иль лучше дьяволу, что всех ведет к концу небезызвестному, соблазном искушая испить кувшин волшебного вина. Вина забвенья, совести вина, и даже смерти. Это кому как. (*Вздыхает.*) Пособник в этом я ему...

ГОСТЬ (*легко*): Чудак.

ТРАКТИРЩИК (*удивленно вскинув бровь*): Чудак? Ты обо мне сказал...

ГОСТЬ (*с улыбкой, глядя сквозь искрящийся в руке бокал вина на уходящие к морю стройные ряды виноградника*): Да. Так. Коль право первенства Всевышнему вверяешь, а то и вовсе — ангелу, низвергнутому с небес сто тысяч солнц оплавленных в руду. (*Вздыхая полной грудью.*) Вот отдохну, отец, с дороги, и уйду. И заберу с собой вкус цвета моря. И аромат нежнейший пышных трав в соитье с виноградною лозою. Отдашь нектар?